

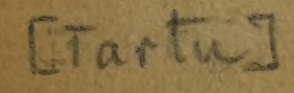
СОБРАНІЕ ПОЭЗЪ

ТОМЪ XI

[ИГОРЬ-СѢВЕРЯНИНЪ]

ВЕРВЭНА

ПОЭЗЫ 1918—19 г.г.

ИЗД. „ОДАМЕСЪ" А MCMXX

Всѣ поэзы этого тома, за исключеніемъ помѣченныхъ 1918 г., написаны въ январѣ 1919 г., причёмъ всѣ написаны въ Эстоніи, на курортѣ Тойла. Поэза „Музѣ музыкъ“ написана въ Ревелѣ.

Типографія Эд. Бергмана, Юрьевъ.

I

ЖЕМЧУГЪ ПРИЛИВА

Интродукція

Вервэна, устрицы, луна и море,
    Порабощенный пѣсней Демонъ —
    Вотъ книги настоящей тема,
Чаруйной книги о Святомъ Аморѣ.

Она, качелящая ваши грёзы,
    Утонченныя и больныя,
    Пріобрѣтаетъ то льняные,
То вдругъ стальные струнные наркозы.

Всмотритесь пристальнѣе въ эти строки:
    Въ нихъ — обрѣтенная утрата.
    И если духъ дегенерата
Въ нихъ вѣетъ, помните: всему есть сроки...

Устрицы

О, замороженныя льдомъ
Вы, подъ олуненнымъ лимономъ,
Своимъ муарнымъ морезвономъ
Заполонившія мой домъ,
Зеленоустрицы, — чей пискъ
И моря влажно-сольный запахъ —
Въ оттѣнкахъ всевозможныхъ самыхъ —
Вы, что воздвигли обелискъ
Изъ вашихъ раковинъ, — мой взоръ,
Взоръ вкуса моего обнищенъ:
Онъ больше вами не насыщенъ, —
Во рту растаялъ вашъ узоръ...

Припоминаю васъ съ трудомъ,
Готовый перерѣзать вены,
О, съ луннымъ запахомъ вервэны
Вы, замороженныя льдомъ!

Ликеръ изъ вервэны

Ликеръ изъ вервэны — грёзэрки ликеръ,
Какихъ не бываетъ на свѣтѣ,
Разставилъ тончайшія сѣти,
Въ которыя ловитъ эстетовъ — Аморъ
Искусно.

Луною наполненъ сомнамбулъ фужеръ
И устричнымъ сердцемъ, и моремъ.
И тотъ, кто ликеромъ аморимъ,
Тому орхидейное нѣжитъ драже
Ротъ вкусно.

Уста и фужеръ сѣтью струнъ сплетены,
При каждомъ глоткѣ чуть звенящихъ,
Для насъ — молодыхъ, настоящихъ —
Для насъ, кто въ Сейчасъ своего влюблены
Истому.

Лишь тотъ, кто отрансенъ, блестящъ, вдохновенъ,
Пойметъ тяготѣнье къ ликеру,
Зовущему грёзы къ узору,
Къ ликеру подъ именемъ: Crême de verveine —
Больному.

При свѣтѣ тьмы

Мы — извервэненные съ душой изу́стреченною.
Лунно-изнѐрвленные у насъ умы.
Тоны фіолевые и тѣни сумеречныя
Мечтой болѣзненной такъ любимъ мы.

Пускай упадочные, но мы — величественные.
Пусть неврастеники, но въ свѣтѣ тьмы
У насъ заданія, вѣку приличественныя,
И соблюдаемъ ихъ фанатно мы.

Фанатики изборовъ

Мы — фанатики нашихъ изборовъ,
Изысковъ, утонка.
Мы чувствуемъ тонко
Тѣмъ, что скрыто подъ шолкомъ проборовъ,

Тѣмъ, что бьется подъ легкимъ, подъ лѣвымъ, —
Подъ лѣвымъ, подъ легкимъ.
Мечтамъ нашимъ крохкимъ
Путь знакомъ къ безсѣмяннымъ посѣвамъ.

Не подвержены мы осязанью
Анализа грубыхъ.
Въ ихъ грохотныхъ трубахъ —
Нашимъ нервамъ и вкусамъ терзанье.

Пусть структура людей — для заборовъ:
Структура подонка.
Мы созданы тонко:
Мы — фанатики нашихъ изборовъ.

Морефея

Флаконъ вервэны, мною купленный,
Ты выливаешь въ ванну
И съ бровью, ласково-насупленной,
Являешь Монну-Ванну.

Правдивая и героичная
Ты вся всегда такая...
Влечешь къ себѣ, слегка циничная,
Меня не отпуская.

И облита волной вервэновой,
Луной и моремъ вѣя,
Душой сиренево-сиреновой
Поешь, какъ морефея.

Бѣлый трансъ

Ночью, вервэной ужаленной, —
Майскою, значитъ, и бѣлой, —
Что-нибудь шалое дѣлай,
Шалью моею ошаленный.

Грезь о лунѣ, лишь намёкнутой,
Но не свѣтящей при свѣтѣ
Ночи, невинной какъ дѣти,
Грѣшной, какъ ножъ, въ сердце воткнутый.

Устрицы, острыя устрицы
Ѣшь, ошабливъ, олимонивъ.
Грёзы, какъ мозгные кони,
Пусть въ головѣ заратустрятся.

Выплыви въ блёклое, штильное
Море, замлѣвшее майно.
Спой, опьянѣвши ямайно,
Что-нибудь бѣлое, стильное ..

Лунные блики

Лунныя слезы легкихъ льнущихъ ко льну сомнамбулъ.
Ласковая лилейность лилій, влюбленныхъ въ плѣнъ
Липкихъ зеленыхъ листьевъ. Въ волнахъ полёты камбалъ.
Плоскихъ, уклонно-тѣлыхъ. И вдалекѣ — Мадленъ

Лѣнь развѣтвленій клёна, вылинявшаго ало.
Палевыя поляны, полныя сладкихъ силъ.
Лютиковыя лютни. Въ прожилкахъ фьоль опала.
Милая бѣлолебедь въ свѣтломъ раскрыльи крылъ.

Лучше скользить ліанно къ солнечному Граалю.
Кроликовъ ланно-бликихъ ловко ловить въ атласъ
Платьевъ лиловыхъ въ блёсткахъ. Пламенно ликъ реалю
И, реализмъ качеля, плачу печалью глазъ.

Чары Лючинь

Лючинь печальная читала вечеромъ ручьисто-вкрадчиво,
Такъ чутко чувствуя журчащій вычурно чужой ей плачъ,
И въ человѣчествѣ чтя нѣчто вѣчнѣе, чѣмъ чушь Боккачіо,
Отъ чаръ отчаянья кручинно-скучная, чла часъ удачъ.

Чернѣла, чавкая чумазой нечистью, ночь безконечная,
И челны чистые, какъ пчелы-птенчики безрѣчныхъ встрѣчъ,
Чудили всячески, отъ качки съ течами полоувѣчные,
Чьи очи мрачныя изъ чиселъ чудную чеканятъ рѣчь.

Чѣмъ, — чайка четкая, — въ часы безпечные мечтой пречистою
Отлично-честная Лючинь сердечная лечила чадъ,
Порочныхъ выскочекъ? Коричне-глетчерно кричитъ лучистое
Въ качалкѣ алчущей Молчанье чахлое, влача волчатъ...

Образъ прошлаго.

Я слышу въ плескѣ весла галеръ,
Когда заливъ заснетъ зеркально:
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ —
И трогательна, и печальна.

Людовикъ-Солнце, какъ кавалеръ,
Зналъ тайну страсти идеально.
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всё-жъ трогательна и печальна.

Когда день вешній нежданно-сѣръ,
И облака бѣгутъ повально,
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Такъ трогательна и печальна.

Пусть этотъ образъ изъ прежнихъ эръ
Глядитъ и тускло, и банально:
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всегда плѣнительно-печальна.

У окна

Въ мое окно глядитъ луна.
Трюмо блистаетъ элегантное.
Окно замёрзло бриллiантное.
Я онѣмѣла у окна.

Луна глядитъ въ мое окно,
Какъ нѣкiй глазъ потусторонняго.
Съ мечтой о немъ, молю: „Не тронь его,
Луна: люблю его давно“...

Въ мое окно луна глядитъ
То угрожающе, то вкрадчиво.
Молюсь за чистаго, но падшаго
Въ порокъ, съ отчаяньемъ въ груди.

Луна глядитъ въ окно мое,
Какъ въ трансъ пришедшая пророчица.
Ахъ, отчего же мнѣ такъ хочется
Переселиться на нее?...

Цвѣты, какъ крылья

Въ долинѣ Святой рѣки
Крылятъ цвѣты-мотыльки,
Крылятъ цвѣты-мотыльки
Бѣлоснѣжные.

Изъ снѣга они торчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ:
Уши нѣжныя.

Сквозь снѣгъ они ввысь растутъ
Въ долинѣ и тамъ, и тутъ,
Въ долинѣ и тамъ, и тутъ —
Шолкостружные.

Шуршащіе, такъ легки
Цвѣточные мотыльки,
Цвѣточные мотыльки —
Грёзокружные...

Дизэль I

Вѣтеръ ворвался въ окно —
Вѣтеръ весенній,
Полный сирени . . .

Мы не видались давно, —
Вѣтеръ ворвался въ окно,
Полный видѣній . . .

Скучно, и въ сердцѣ темно:
Нѣтъ воскресеній
Прежнихъ мгновеній . . .

Вѣтеръ ворвался въ окно.

Дизэль II

Проплываетъ вдали канонерка.
Надъ кружкомъ камамбера
Ты читаешь Флобера.

И зачѣмъ тебѣ видѣть, грёзэрка,
Какъ плыветъ вдалекѣ канонерка:
Вѣдь корабль — не гетера...

Вдругъ снарядъ, — и твоя этажерка,
Гдѣ стихи эксцессера,
Тлѣетъ йсчерно-сѣро...

Такъ плыветъ вдалекѣ канонерка...

Кэнзель XI

Миньона, Мирра, Ингридъ и Балькисъ, —
Сліянныхъ во-едино ихъ четыре,
Извѣчнымъ украшеньемъ въ этомъ мірѣ
Проведшихъ жизнь, и вотъ воспѣть на лирѣ,
Прославить ихъ — начертанъ мной девизъ.

Отъ каждой взявъ, что въ каждой характерно,
По качествамъ оцѣнивая вѣрно,
Миньону, Мирру, Ингридъ и Балькисъ
Я превращаю въ пятую. Ильферна —
Вотъ имя ей: такъ хочетъ мой капризъ.

И въ этотъ годъ, когда, какъ бичъ, нависъ
Надъ міромъ громъ неотвратимой кары,
Да отразитъ кровавые удары
Ильферна, въ комъ свои сокрыли чары
Миньона, Мирра, Ингридъ и Балькисъ.

Кэнзель XII

Птицы въ воздухѣ кру́жатся
И летятъ, и поютъ,
И, летя, отстаютъ,
Отставая, зовутъ . . .
Воздухъ сѣверный южится.

Не считая минутъ,
Безъ печали, безъ смутъ,
Птицы въ воздухѣ кружатся.
Мотыльки тамъ и тутъ
Золотисто жемчужатся.

Стаи бѣлыя вьюжатся
Мотыльковыхъ причудъ,
Воздухъ золотомъ ткутъ . . .
Бросивъ травъ изумрудъ,
Птицы въ воздухѣ кружатся.

Газэлла IV

Сѣрый заяцъ плясалъ на полянѣ.
Лунный свѣтъ трепеталъ на волянѣ.

Въ сини глазъ загорѣлся восторгъ.
Подойдя, я стоялъ на полянѣ.

Вотъ второй, вотъ и третій бѣгутъ, —
Собрались старъ и малъ на полянѣ.

Я смотрѣлъ на диковинный плясъ
И на заячій балъ на полянѣ.

Всѣ танцуютъ: прыжокъ за прыжкомъ.
Блекнетъ лунный опалъ на полянѣ.

Газэлла V

Да, ты поѣхала кататься, сѣвъ въ голубой кабріолетъ.
Покачивается рессорно твоей судьбой кабріолетъ.

Покачивается рессорно, стремясь на рокотный пуантъ,
Твой голубой, идущій гордо — вѣдь онъ съ тобой! — кабріолетъ.

Откинулась ты на подушки. Спитъ на колѣняхъ томъ Жоржъ Зандъ.
Качелитъ сонъ старинной книги твой моревой кабріолетъ.

Его рессоры — точно волны. Имъ управляетъ лейтенантъ.
Онъ такъ похожъ на миноноску — твой огневой кабріолетъ.

Сама же ты — угрознѣй мины: на твой чарующій талантъ
Кто натолкнется, тотъ взорвется. О, роковой кабріолетъ!

Газэлла VI

Пріѣзжай ко мнѣ обязательно, пріѣзжай.
Эта встрѣча мнѣ такъ желательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой ноты новые и стихи:
Ты читаешь ихъ увлекательно. Пріѣзжай.

Привези съ собой свой сиреневый пеньюаръ:
Въ немъ ты, нѣжная, такъ мечтательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой брилліантовое колье:
Красота твоя въ немъ блистательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой сердце ласковое свое:
Ахъ, поетъ оно обаятельно. Пріѣзжай!

Газэлла VII

Твоихъ невоплотимыхъ глазъ, Ильферна моя,
Никто не цѣловалъ изъ насъ, Ильферна моя.

А кто бы ихъ увидѣть могъ, тотъ не жилъ бы дня.
Когда бы въ нихъ взглянуть хоть разъ, Ильферна моя.

Тебѣ одной дары міровъ, сіянье огня,
Цвѣты, восторги и экстазъ, Ильферна моя.

Тебѣ, одной тебѣ, поетъ и лира, звеня.
Тебѣ хвалу воздастъ Парнасъ, Ильферна моя.

Я твой, я безраздѣльно твой! люби же меня!
Тебя увижу въ смертный часъ, Ильферна моя!

Газэлла VIII

Ты любишь ли звенья персидскихъ газэллъ, —
изыска Саади?
Отвѣтить созвучно ему ты хотѣлъ, изыску Саади?

Ты знаешь, какъ внутренне рифмы звучатъ въ
персидской газэллѣ?
Въ нечетныхъ стихахъ, ты замѣтилъ, звукъ бѣлъ —
въ изыскѣ Саади?

Тебя не пугалъ однотонный размѣръ въ газэлловомъ
стилѣ?
Поймать, уловить музыкальность сумѣлъ въ
изыскѣ Саади?

Такъ что же такъ мало поэты у насъ газэллъ написали?
Вѣдь только Кузминъ былъ восторженно-смѣлъ
съ изыско ъ Саади...

Звените, газэллы — газельи глаза! и пойте, какъ
пѣли [illegible] [illegible]:
На родинѣ вашей, гдѣ быть вамъ велѣлъ изыскомъ
— Саади!

Рондо XIX

Вервэна, упоенная морской
Муаровой волной, грустнѣй Любэна,
Овѣяла меня своей тоской
Вервэна.

И подъ ея вліяньемъ вдохновенно
Я началъ пѣть глаза Манонъ Леско,
Смотрящіе мнѣ въ душу сокровенно.

Возникъ въ душѣ улыбчивый покой.
Она свята, какъ древняя Равенна:
То льется въ душу лунною рѣкой
Вервэна.

Рондо XX

Пока не поздно, дай же мнѣ отвѣтъ,
Молю тебя униженно и слёзно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нѣтъ? отвѣть — да или нѣтъ?
Поэзно „да“, а „нѣтъ“ — оно такъ прозно!

Сліянныя мечты, но бьются розно
У насъ сердца: тускнѣетъ въ небѣ свѣтъ . . .
О, дай мнѣ отзвукъ, отзнакъ, свой привѣтъ,
Пока не поздно.

Ты вдалекѣ. Жизнь превратилась въ бредъ.
И молнія, и громъ грохочетъ грозно.
И такъ давно. И такъ десятки лѣтъ.
Ты вдалекѣ, но ты со мною грёзно.
Дай откликъ мнѣ, пока я не скелетъ,
Пока не поздно! . .

Рондель XV

Ея весёлая печаль,
Ея печальная весёлость . . .
Саней задернутая полость,
И теплая у губъ вуаль.
Какая тяга въ зовы миль!
Какая молодая смѣлость!
Въ душѣ — весёлая печаль,
Въ душѣ — печальная весёлость.
Въ мечтахъ — кабинки, пляжъ, Трувиль
Вокругъ — зимы нагая бѣлость.
Въ устахъ — коралловая алость..
Въ ушахъ — весенняя свирѣль.
Въ глазахъ — весёлая печаль.

Сонетъ XXX

Петрарка и Шекспиръ, и Бутурлинъ
(Пусть мнѣ простятъ, что съ геніями рядомъ
Поставилъ имя, скромное нарядомъ . . .)
Сонетъ воздвигли на престолъ вершинъ.

Портной для измѣренья взялъ аршинъ.
Поэтъ окинулъ нео-форму взглядомъ
И, напитавъ ее утопій ядомъ,
Сплёлъ сѣть стиховъ для солнечныхъ глубинъ.

И вотъ, сонета выяснивъ секретъ,
Себѣ поэты выбрали сонетъ
Для выраженья чувствъ, картинъ, утопій.

И отъ Петрарки вплоть до нашихъ дней
Сонетъ писали тысячи людей, —
Оригиналъ, ты потускнѣлъ отъ копій! . .

Баллада XXI

Витаетъ крыльный вѣтерокъ
Надъ звѣздочными васильками,
Надъ лентой палевыхъ дорогъ,
Надъ голубыми ручейками.
Витаетъ на восточной Камѣ,
Какъ и на западной Двинѣ,
И цвѣтовѣйными устами
Цѣлуетъ поле въ полуснѣ.

Витаетъ, свой свершая срокъ,
Надъ рощами и надъ лѣсами,
Надъ опереніемъ сорокъ
И надъ пшеничными усами.
Мы, впивъ его, витаемъ сами,
Витаемъ по его винѣ
Надъ изумрудными красами,
Цѣлуя травы въ полуснѣ.

Его полётъ — для насъ урокъ,
Усвоенный чудесно нами:
Такъ добродѣтель и порокъ
Равно лелѣемы волнами
Зефира, мучимаго снами
И грезой о такой странѣ,
Гдѣ поэтическое знамя
Цѣлуетъ вѣтеръ въ полуснѣ.

Чару́емы его мечтами
О невозможной сторонѣ,
Мы въ этомъ мірѣ, точно въ храмѣ,
Цѣлуемъ знамя въ полуснѣ . . .

Баллада XXII

Въ четвёрку сѣрыхъ лошадей
Несётся синяя карета.
Внутри ея, средь орхидей,
Сидитъ печальная Иветта.
Она совсѣмъ легко одѣта,
За что ее коритъ злой толкъ.
Ее овилъ вокругъ корсета
Gris-perle вервэновѣйный шолкъ.

Она устала отъ людей,
Равно: отъ хама и эстета,
Отъ ихъ назойливыхъ идей, —
Она, мимоза полусвѣта.
Ей такъ тяжолъ грасиръ корнета
И предъ семьей дочернiй долгъ,
Что прячетъ перламутръ лорнета
Въ gris-perle вервэновѣйный шолкъ...

Въ нее влюбленный лицедѣй, —
Съ лицомъ заморыша-аскета,
Съ нелѣпымъ именемъ Ѳадѣй, —
Поднесъ ей бѣлыхъ два букета.
И, въ орхидеяхъ, какъ комета
На отдыхѣ, кляня весь полкъ
Изъ-за корнета, грезитъ: „гдѣ-то —
Волна, — вервэновѣйный шолкъ"...

Сверни же къ морю, въ домъ поэта.
Что ѣхать въ городъ? онъ — какъ волкъ!
Кто, какъ не ты, придумалъ это,
Gris-perle вервэновѣйный шолкъ?..

Баллада XXIII

(Диссо, фиг. 1)

Поэтъ, во фракѣ соловей,
Другъ и защитникъ куртизанокъ,
Иветту грустную овѣй
Улыбкой кризантэмныхъ танокъ,
Ты, кто въ контактѣ съ дѣвой тонокъ,
Ты, сердца женскаго знатокъ,
Свой средь грузинокъ и эстонокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ!

Ты вдохновенно-огневой,
Бродящій утромъ средь барвинокъ,
Привѣть своей душой живой
Иветту, какъ пѣвучій инокъ.
Врачуй ей боль душевныхъ ранокъ,
Психологъ! интуитъ! пророкъ!
Встрѣчай карету спозоранокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ.

Стихи и грёзы ей давай,
Бѣднѣющей отъ шалыхъ денегъ,
Пой про любовью полный май,
Дай ей любовь вкусить, весенникъ!
Цѣлуй нѣжнѣй ее спросонокъ
И помни межъ поэзныхъ строкъ:
Застѣнчивая, какъ ребенокъ,
Вошла Иветта въ твой шатрокъ . .

Тебѣ въ отдаръ — созвучныхъ струнокъ
Ея души журчащій токъ.
Возрадуйся же, вѣчный юнокъ,
Что взялъ Иветту въ свой шатрокъ!

Баллада XXIV

(Диссо, фиг. 2)

Царевичъ Май златистокудрый
Былъ чудолѣйный весельчакъ:
Прикидывался дѣвкой бодрой,
То шелъ, какъ нѣкій старичокъ,
Посасывая каучукъ
Горячей трубочки интимной . . .
То выдавалъ мальчишкамъ чекъ
На пикники весною томной.

А иногда царевичъ мудрый,
Замедливъ въ рѣзвомъ ходѣ шагъ,
Садился на коня, и бёдра
Его сжималъ межъ сильныхъ ногъ.
Иль превращался въ муху вдругъ
И въ ухо лѣзъ, жужжа безумно,
Смотря, какъ мчится человѣкъ
На пикники весною томной . . .

Осыпавъ одуванчикъ пудрой,
Воткнувъ тычинки въ алый макъ,
Наливъ воды студёной въ вёдра,
Сплетя изъ ландышей вѣнокъ,
Хваля, какъ трудится паукъ,
И отстоявши въ праздникъ храмный
Обѣдню, — направлялъ свой бѣгъ
На пикники весною томной.

Люблю блистальный майскій ликъ,
Какъ антипода тьмы тюремной.
Ловлю хрустальный райскій кликъ
На пикники весною томной!

Баллада XXV

(Нео)

Усни въ зеленомъ гамакѣ
Подъ жемчужными мотыльками,
Надъ слившимися ручейками, —
Усни въ полуденной тоскѣ.
Зажми въ снѣжѣющей рукѣ,
Безъ думъ, безъ грезъ и безъ желанья
Съ нимъ встрѣчи въ странномъ далекѣ,
Его послѣднее посланье.

Умѣй разслышать въ ручейкѣ
Его уста съ его стихами,
Эола вьющееся знамя
Умѣй увидѣть въ мотылькѣ.
Въ отдальной пѣснѣ на рѣкѣ
Почувствуй слезы разставанья,
Прижми ладонью на вискѣ
Его послѣднее посланье.

Слѣди за солнцемъ на пескѣ,
За ползающими тѣнями.
Пробудятъ пусть сравненье съ днями
Они въ тебѣ, въ людскомъ цвѣткѣ.
Ты, легкая, здѣсь — *налегкѣ*,
Лишь гостья краткаго свиданья,
И смерть твоя видна въ листкѣ
Его послѣдняго посланья.

Чѣмъ ближе къ гробовой доскѣ,
Сильнѣй — любви очарованье:
Въ рукѣ, какъ въ глиняномъ кускѣ,
Его послѣднее посланье . . .

Квинтина I

Благоухающая вся луною
И упояющая соловьемъ
Она владычествуетъ надо мною —
Вервэна, выглотанная живьемъ, —
Съ лимономъ устрица, — фужеръ съ волною.

Не захлебнуться ли теперь волною?
Не погрузиться ли въ нее живьемъ?
Весь озаряемый больной луною,
Остро̀ я чувствую, что надо мною —
Соблазнъ, растрелившійся соловьемъ.

Кто не прикидывался соловьемъ
Подъ этой вѣтреной, шальной луною?
Кто не мечталъ меня изъять живьемъ?
Глубь не влекла-ль меня своей волною?
Кто не рапировалъ въ мечтахъ со мною?

О, благодать небесъ! ты надо мною
Благоуханною течешь волною,
Поешь весенящимся соловьемъ,
И, обливая вдругъ меня луною,
Возносишь въ синіе верхи живьемъ.

Та, кто живое всё берётъ живьемъ,
Неторжествующая надо мною,
Легко выбрасываетъ мнѣ волною
Вервэну, трелющую соловьемъ,
И упояющую мозгъ луною . . .

Квинтина II

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землею!
Ты каждый годъ по вешнему нова!
Сверкающія утренней зарею
Пою тебѣ хвалебныя слова!

О, что за власть имѣютъ тѣ слова,
Которыя излучены зарею!
Земная жизнь! да будь всегда жива!
Земная страсть! да будь всегда нова!
Безсмертно будь, рожденное землею!

Я созданъ самъ цвѣтущею землею,
И только ею грудь моя жива.
Я вдохновляюсь юною зарею,
Шепчу въ восторгѣ нѣжныя слова.
Такъ: жизнь земли всегда душѣ нова.

И ты, моя любимая, нова,
Когда щебечешь чарныя слова,
Дарованныя млѣющей землею.
Къ тебѣ любовь безсмертная жива,
Она сіяетъ майскою зарею.

О, наслаждайтесь красочной зарею
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенныя слова!
И пусть планета, что зовутъ Землею,
Пребудетъ ввѣкъ прекрасна и жива!

Квинтина III

Я здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ —
Въ томъ смыслѣ, что интелигента
Ни одного здѣсь нѣтъ. Вершинъ
Сосновый говоръ. Рѣчки лента
Зеркальная въ кудряхъ долинъ.

Отрадны шелесты долинъ,
И влажная плескуща лента.
Среди людей я все-жъ одинъ,
И, право, тоньше шумъ вершинъ
Для слуха грёзъ интелигента.

Искусство — для интелигента:
Среди невѣждъ лишь онъ одинъ
Ждетъ, чтобы даже кино-лента
Струила ароматъ долинъ,
И свято любитъ свѣтъ вершинъ.

Стремитесь къ холоду вершинъ,
Привыкшіе къ теплу долинъ,
Беря примѣръ съ интелигента.
Пусть изъ ползучихъ ни одинъ
Не падаетъ, віясь какъ лента.

Милѣй всѣхъ лентъ — любимой лента,
Она превыше всѣхъ вершинъ.
Внемлите, жители долинъ,
Всей гаммѣ чувствъ интелигента:
Взлётъ — смыслъ единственный одинъ!

Квинтина IV

Любовь приходитъ по вечерамъ,
А на разсвѣтѣ она уходитъ.
Восходитъ солнце, и по горамъ,
И по долинамъ лучисто бродитъ.
Лучи наводитъ то здѣсь, то тамъ.

Міръ оживаетъ то здѣсь, то тамъ,
И кто-то свѣтлый по міру бродитъ.
Утрами бродитъ, а къ вечерамъ
Шлетъ поцѣлуи лѣсамъ, горамъ
И, миротворя весь міръ, уходитъ.

Уходятъ годы, и вѣкъ уходитъ.
И что звучало по вечерамъ,
Забыто къ утру. Лишь Память бродитъ,
Какъ привидѣнье, то здѣсь, то тамъ,
Да волны моря бѣгутъ къ горамъ.

Намъ надоѣли низы, — къ горамъ
Мы устремились: вѣдь солнце тамъ!
А вечерами оно уходитъ . . .
Тогда — обратно: по вечерамъ
Уходитъ Яркость, и Нѣжность бродитъ.

Пока мы юны, пока въ насъ бродитъ
Кровь огневая, спѣшимъ къ горамъ:
Любовь и Солнце мы встрѣтимъ тамъ!
Пусть на закатѣ *оно* уходитъ,
Она приходитъ по вечерамъ . . .

Лэ I

О вы, бѣлосиреневые сны,
Объятые вервэновой печалью!
О, абрисъ абрикосовой весны!
О, личико, окутанное шалью
Лимонною, ажурною, кисейною!
О, женщина съ душой вервэновѣйною,
Приснившаяся въ оттепель февралью! . .

Приснившееся въ оттепель февралью —
Въ моемъ котэджѣ у кривой сосны —
Лицо подъ фіолетовой вуалью,
Лицо, глаза котораго грустны,
И, какъ вуаль, немного фіолетовы,
Я зналъ тебя, и, можетъ быть, отъ этого
Мнѣ многія туманности ясны . . .

Мнѣ многія туманности ясны,
Онѣ влекутъ недостижимой далью . . .
Ахъ, всѣ наливки для меня вкусны,
Но предпочту кизилью и миндалью:
Отъ нихъ мои мечты ажурно кружатся,
То ярко грозоносятся, то вьюжатся,
Какъ ты, рояль съ надавленной педалью . . .

О, ты, рояль съ надавленной педалью
И съ запахомъ вервэновой волны,
Ты озарялъ квартиру генералью
Созвучьями, текущими съ луны . . .
Улыбки устъ твоихъ клавіатурныя . . .
Ея лица черты колоратурныя
На фонѣ бирюзовой тишины . . .

На фонѣ бирюзовой тишины
Я помню краску губъ ея коралью,
Ея волосъ взволнованные льны,
И всю ея фигуру феодалью . . .
Мы не были, какъ будто, влюблены,
А можетъ быть — немного: вѣдь подъ алью
Ея слова чуть видны, чуть слышны . . .

Ея слова чуть видны, чуть слышны,
Заглушены поющею роялью
И шумомъ голосовъ заглушены,
Онѣ влекутъ мечтанно къ изначалью, —
И я переношу свои страданія
Въ великопланный хаосъ мірозданія.
Создавшій и холеру, и . . . Италію!

Создавшій и холеру, и Италію,
Тебѣ мои моленья не нужны . . . .
Мнѣ хочется обнять ее за талію:
Ея глаза зовущіе нѣжны;
Въ нихъ ласковость улыбчиво пришурена.
Имъ фиміамовъ множество воскурено . . . —
О вы, бѣлосиреневые сны! . .

О вы, бѣлосиреневые сны,
Приснившіеся въ оттепель февралью!
Мнѣ многія туманности ясны,
И — ты, рояль съ надавленной педалью . . .
На фонѣ бирюзовой тишины
Ея слова чуть видны, чуть слышны
Создавшему холеру и Италію . . .

Berceuse сирени

Когда сиреневое море, свой горизонтъ офіолетивъ,
Задремлетъ, въ зеркалѣ вечернемъ луну лимонно
отразивъ,
Я задаю вопросъ природѣ, но, ничего мнѣ не
отвѣтивъ,
Въ оцѣпенѣньи сна блистаетъ, и этотъ сонъ ея
красивъ.

Ночь, бѣлой лиліей провѣявъ, взлетаетъ, точно бѣ-
лый лебедь,
И исчезаетъ бѣлой феей, такъ по весеннему бѣла,
Что жаждутъ жалкую планету своею музыкой
онебить,
Бряцая золотомъ восхода, румяные колокола.

Всѣ эти краски ароматовъ, всю филигранность
настроеній
Я ощущаю бѣлой ночью у моря, спящаго въ стеклѣ,
Когда, не утопая, тонетъ лимонъ луны въ его сирени,
И, отъ себя изнемогая, сирень всѣхъ нѣжитъ на
землѣ.

1918 VI

Послѣдніе зеленые листки . . .

На эстляндскомъ ли берегу, восемнадцатаго ноября,
У Балтійскаго въ сизый цвѣтъ моря выкрашеннаго,
Надъ вершинами горъ и скалъ — я надъ кручами
иду царя.
Въ бездну тучи летятъ песка, шагомъ выкрошеннаго.

Что за пламенная мечта, увлекающая, словно даль,
Овладѣла опять душой? чего выскочившая
И вспорхнувшая снова ввысь возжелала ты,
птица-печаль,
Въ это утро, какъ малахитъ, все заиндивѣвшее?

Цѣль безцѣльныхъ моихъ шаговъ — не зелёные ли
вы, листки,
Уцѣлѣвшіе отъ костлявой, — сочувствующіе, —
Той, что осенью всѣ зовутъ, покровительницы
чаръ тоски,
Той, чьи кисти — шалобольныя, безумствующія? . . .

1918 XI

Пора безжизнія

Кончается октябрь, безснѣжный и туманный.
Одинь день — изморозь. Тепло и дождь — другой.
Безлистый лѣсъ уснулъ гнилой и безуханный,
Безцвѣтный и пустой, скелетный и нагой.

На морѣ съ каждымъ днемъ всё рѣже полотенца:
Вѣдь Осень, говорятъ, неряха изъ неряхъ . . .
И ходятъ двѣ сестры — она и Инфлюэнца,
Двѣ дѣвы старыя, — и топчутся въ дверяхъ.

Изъ скромныхъ домиковъ ихъ гонятъ: кто — дубиной,
Кто — жаркой банею, кто — ватнымъ армякомъ;
Кто подогадливѣй, ихъ просто гонитъ хиной,
Легко тягающейся съ крѣпкимъ тумакомъ . . .

Пора безжизнія! . . И даже ты, телѣга,
Не то ты лѣнишься, не то утомлена . . .
Намъ грязь наскучила. Мы чистаго ждемъ снѣга.
Въ грязи испачкала лицо свое луна . . .

1918 X

Предвешняя элегія

Не знаю — буду ли я живъ
Къ веснѣ и вкрадчивой, и нѣжной,
Пойду ли вновь съ мечтой элежной
Къ полянамъ, пѣснь про нихъ сложивъ.

Не знаю — станетъ ли сирень
Меня дурманить вновь фіолью,
Какою занеможетъ болью
Моя душа въ весенній день.

Не знаю — буду ли я знать,
Что значитъ упиваться маемъ,
Туберкулёзомъ злымъ ломаемъ,
И, умирая, жить желать.

1918 XII

Это явь или грёза?

Сонъ мой былъ или не былъ? что мнѣ снилось
что снилось? только море и небо
Только липы и поле! это явь или грёза? сонъ мо
былъ или не былъ?

Я здѣсь жилъ или нѐ жилъ? ты была ли со мною?
здѣсь тебя ли я нѣжилъ?
Что-то всё по другому . . . Будто то, да не то же . . .
Я здѣсь жилъ или нѐ жилъ?
Та же самая дача . . . Тѣ же самыя окна . . . Въ
нихъ смотрѣла ты, плача . . .
А потомъ улыбалась . . . А потомъ . . . Да, конечно:
та же самая дача! . .

Значитъ, „Тостъ безотвѣтный" здѣсь написанъ, не
правда-ль? И обложкой привѣтной,
Всѣ сомнѣнья разсѣявъ, убѣдилъ меня въ яви
милый „Тостъ безовѣтный".

1918 IV

Музѣ музыкъ

Не странно ли, — тринадцатаго марта,
Въ трехлѣтье неразлучной жизни нашей,
Испитое чрезъ край бѣгущей чашей, —
Что въ Ревель насъ забрасываетъ карта?

Мы въ Харьковѣ сошлись, и не въ Іеве-ль
Мечтали провести нашъ день интимный?
Взамѣнъ — этапъ, и, сквозь Іеве, въ дымный
Холодный мракъ, — и попадаемъ въ Ревель.

Какъ онъ красивъ, своеобразенъ, узокъ
И элегантно-чистъ, весь заострённый!
Восторженно, въ тебя всегда влюбленный,
Твое лицо цѣлую, муза музыкъ! . .

Придется ли намъ встрѣтить пятилѣтье
И четверть вѣка слитности — не знаю.
Но знаю, что никто-никто иная
Не замѣнитъ тебя, кого ни встрѣть я . . .

Встрѣчъ новыхъ не ищу, и не горюю
О прежнихъ, о дотебныхъ, — никакіе
Соблазны не опасны. Я цѣлую
Твое лицо открытое, Марія.

Ревель, гост. „Золотой Левъ".
13 марта 1918 г.

Элегія изгнанія

Въ моемъ добровольномъ изгнаньи
Мнѣ трудно представить, что гдѣ-то
Есть міръ, гдѣ живутъ и мечтаютъ,
Хохочутъ и звонко поютъ.
Да полно! не только-ль мечтанье —
Соблазны культурнаго свѣта?
Не всюду ли жизнь проживаютъ,
Какъ я въ заточеніи тутъ?

И развѣ осталась культура,
Изыски ея и изборы,
Утонченные ароматы
Симфоній, стиховъ и идей?
И развѣ полёты Амура
Ткутъ въ воздухѣ тѣ же узоры?
И развѣ мимозы не смяты
Стопой озвѣрѣлыхъ людей?

Вотъ годъ я живу, какъ растенье,
Спасаясь отъ ужасовъ яви,
Недавнія переживанья
Считая несбыточнымъ сномъ.
Печально мое заточенье,
Въ которомъ грущу я по славѣ,
По нѣжному очарованью
Въ такомъ еще близкомъ быломъ . . .

1918 X

II

ПЧЕЛЫ И СТРЕКОЗЫ

Восемнадцатый вѣкъ

Восемнадцатый вѣкъ! не ему ли дано
Слыть изысканнымъ хамомъ во вѣки вѣковъ?
Въ нёмъ съ учтивостью грубость сплелась заодно,
И съ изяществомъ пошлость придворныхъ домовъ.

Ришелье исщипалъ въ синяки Шаролэ.
Билъ Субизъ по щекамъ, на земь бросивъ, де-Нель.
За Шасси выбѣгала кокетка Буфлэ
И кричала: „Желаю его на постель!"

Герцогиня Беррійская въ пьянствѣ сожглась.
Graille и Logre называли maman . . . Помпадуръ!.
Было много чудовищныхъ зрѣлищъ для глазъ,
Было много средь фрейлинъ развратницъ и дуръ.

Куаньи, проигравъ капиталъ принцу Домбъ,
Закричалъ: „Такъ везётъ лишь ублюдкамъ однимъ!"
Создавая шантанъ, устроители *помпъ*
Говорили: Традиціи monde'а хранимъ" . . .

Эстрада, въ бракѣ съ маршаломъ, игровый домъ
Совершенно открыто держала, свой санъ
Позабывъ, — домъ, гдѣ „въ пухъ" проигрался
Вандомъ,
И богачкою стала madame Монтеспанъ . . .

1918 IX

Сонетъ XXIX

Вѣкъ грацiи, утонченный вѣкъ-стебель!
Ланкрэ, Ла-Тушъ, Бушэ, Грэзъ и Ватто!
Андрэ Шарль Булль — поэтъ не твой ли мебель?
И ты, Бертонъ, не ты-ль пѣвецъ манто?

Вѣкъ мушекъ-„поцѣлуевъ“, вздоховъ, гребель,
Духовъ и комплиментовъ, — но зато
Виконтъ бранился дома, какъ фельдфебель,
А виконтэсса, какъ — не знаю! — кто . . .

Двуликiй вѣкъ Роттье и Фрагонара —
Изящества и грубаго кошмара! —
Ты мнѣ напомнилъ „эти“ времена:

Не та же культурность показная,
Которую, опредѣленно зная,
Спасти не могутъ наши имена?

1918 IX

Газэлла IX

А если-бъ Пушкинъ ожилъ и къ намъ пришолъ? . . .
Тогда бы онъ увидѣлъ, что Хамъ пришолъ.

И Мережковскому бы сказалъ онъ: „Да,
Собратъ, Вы были правы — „онъ“ тамъ пришолъ.

Грядущій Хамъ окончилъ свой дальній путь
И рады иль не рады, онъ къ вамъ пришолъ“ . . .

Потомъ бы Пушкинъ „новыхъ“ читалъ стихи:
„На смѣну мнѣ рой цѣлый въ мой храмъ пришолъ,

И „геніевъ“ такъ много теперь у васъ,
Что и меня забыли, — я самъ пришолъ:

Хотѣлось насмотрѣться на вашу жизнь,
Но, посмотрѣвъ, воскликну: Въ бедламъ пришолъ!„ . .

„Самарскій адвокатъ“

Посредственному адвокату
Стать президентомъ — не удѣлъ.
Онъ дѣловито шолъ къ закату
И вотъ дойдя — онъ не у дѣлъ! . .

Напрасно чванилась Самара:
„Волжанинъ сталъ почти царемъ!“
Онъ поднимался, какъ опара,
А лопнулъ мыльнымъ пузыремъ.

Но не конфузятся волжане:
„Керенки“ знаетъ вся страна.
Онѣ у каждаго въ карманѣ —
А чтобы дралъ ихъ сатана!

Народъ, жуя ржаныя гренки,
Ругаетъ „дѣтище“ его:
Вѣдь потруднѣе сбыть „керенки“,
Чѣмъ Ке́ренскаго*) самого! . .

1918 V

*) Простонародное произношенье.

„Александръ IV“

Что думалъ „Александръ Четвёртый“,
Пріѣхавъ въ гатчинскій дворецъ,
Обозрѣвая полъ протёртый
Людьми безъ мозга и сердецъ?

Аллеей вѣкового сада
Бродя, онъ понялъ ли афронтъ,
Что шолъ къ нему изъ Петрограда?
Ужель надѣялся на фронтъ?

Какъ онъ, чей путь былъ сладко-колокъ,
Свой переоцѣнилъ завѣтъ!
Какой же онъ плохой психологъ
И жалкій государствовѣдъ!

Какъ символиченъ „милосердья
Сестры“ костюмъ, который спасъ
Его: не то же ли внѣтвердье
И сердобольностей запасъ?

Да, онъ поэтъ! да, онъ фанатикъ
Идеалистъ stile décadence!
Паяцъ трагичный на канатѣ.
Но идеальность — не баллансъ...

1918 V

Крашеные

Сегодня „красные“, а завтра „бѣлые“ —
Ахъ, не матеріи! ахъ, не цвѣты! —
Людишки гнусные и озвѣрѣлые,
Мнѣ надоѣвшіе до тошноты.

Сегодня пошлые, и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра тѣ-жъ,
Они, бывалые пройдохи дошлые,
Вамъ спровоцируютъ любой мятежъ.

Идеи вздорныя, мечты напрасныя,
Что въ „ихъ“ теоріяхъ — путь къ Божеству.
Сегодня „бѣлые“, а завтра „красные“ —
Они безцвѣтные по существу.

Влюблённые въ поэтику

Меня мутитъ отъ Асквита,
Либкнехта, Клемансо.
Стучитъ у дома засвѣтло
Пролётки колесо.

—„Эй, казачокъ!" Давъ Витинькѣ
Пальто, она — въ дверяхъ.
Мы съ нею внѣ политики,
Но цѣликомъ въ стихахъ.

Намъ дѣла нѣтъ до канцлера,
До ультиматныхъ нотъ,
До Круппа и до панцыря,
И ноль для насъ — Синодъ.

Мы ищемъ въ амфибрахіяхъ
Запрятанный въ нихъ ямбъ.
Въ ликерахъ и ратафіяхъ
Находимъ отблескъ рампъ.

Строй буквъ аллитераціи
И ассо-диссонансъ —
Волшба версификаціи —
Насъ вовлекаютъ въ трансъ.

Размѣры разностопные
Мѣшаемъ мы въ одинъ —
Узоры многотропные
На блёсткой глади льдинъ.

И сближены хореями,
Сліянные въ одно,
Мы надъ землей зарѣяли,
Какъ съ крыльями зерно.

По справедливости

Его безспорная заслуга
Есть окончаніе войны.
Его привѣтствовать, какъ друга
Людей, вы искренне должны.

Я — внѣ политики, и, право,
Мнѣ всё равно, кто-бъ ни былъ онъ.
Да будетъ честь ему и слава,
Что миръ имъ, первымъ, заключёнъ!

Когда людская жизнь въ загонѣ,
И вдругъ — ея апологетъ,
Не все-ль равно мнѣ — какъ: въ вагонѣ
Запломбированномъ, иль нѣтъ?...

Не только изъ вагона — прямо
Пускай изъ бездны бы возникъ!
Твержу настойчиво-упрямо:
Онъ, въ смыслѣ мира, мой двойникъ.

1918 V

Тэффи

Гдѣ ты теперь, печальная душа
Съ веселою, насмѣшливой улыбкой?
Какъ въ этой нови, горестной и зыбкой,
Ты можешь жить, и мысля, и дыша?

Твои глаза, въ которыхъ скорбь и смѣхъ,
Твои уста съ язвительнымъ рисункомъ
Такъ близки мнѣ и серебристымъ стрункамъ
Моей души, закутанная въ мѣхъ.

О, странная! о, грустная! въ тебѣ
Влекущее есть что-то. Осіянна
Ты лирикой души благоуханной,
О лилія въ вакхической алчбѣ!

1918 XII

Памяти Н. И. Кульбина

Подвалъ, куда „богемцы“ на ночь
Съѣзжались, пьяный былъ подвалъ.
Въ немъ милый Николай Иванычъ
Художественно ночевалъ.

А это значитъ — спичъ за спичемъ
И объ искусствѣ пламный споръ.
Насмѣшка надъ мѣщанствомъ бычьимъ
И надъ кретинами топоръ.

Новаторъ въ живописи, докторъ.
И донъ-Жуанъ, и генералъ.
А сколько шло къ нему дорогъ то!
Кто, только кто его не зналъ!

Въ его улыбкѣ миловзорца
Торжествовала простота.
Глаза сіяли, какъ озёрца
Въ саду у Господа-Христа.

Среди завистливаго, злого
Міpка теплѣлъ онъ, какъ рубинъ.
Да, онъ въ хорошемъ смыслѣ слова
Былъ человѣкомъ — нашъ Кульбинъ!

1918 V

Судьба Таси

Нашъ вѣкъ — чудоребенка эра
И всякихъ чудъ. Былъ вундеркиндъ
И дирижоръ Вилли Ферреро,
Кудрявый точно гіацинтъ.

Девятилѣтній капельмейстеръ
Имѣлъ поклонницъ, какъ большой,
И тайно грезилъ о невѣстѣ
Своею взрослою душой.

Однажды восьмилѣткѣ Тасѣ
Мать разрѣшила ѣхать съ ней —
На симфоническомъ Парнасѣ
Смотрѣть на чудо изъ дѣтей.

Въ очарованьи отъ оркестра,
Ведомаго его рукой,
Въ антрактѣ мальчику-маэстро
Малютка принесла левкой.

Хотя чело его увили
Цвѣты, — ихъ несъ къ нему весь залъ, —
Всё-жъ, въ знакъ признательности, Вилли
Въ лобъ дѣвочку поцѣловалъ.

О, въ этомъ поцѣлуѣ — жало,
А въ жалѣ — ядъ, а въ ядѣ — тлѣнъ . . .
Блаженно Тася задрожала,
Познало сердце нѣжный плѣнъ.

Уѣхалъ Вилли. Стало жутко.
Прошло три года. Вдалекѣ
Ее онъ помнилъ ли? Малютка
Скончалась въ мукѣ и тоскѣ.

1918 V

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растетъ на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лososька
Метать икру.
На душегубкѣ слышенъ шопотъ: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣду на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащею, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острогой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкой
Приходитъ на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любуются постельною лужайкой,
Тѣмъ, что нȁдъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющій на млѣющей полянѣ
Млѣть собирается кондитерская дочь...
Какъ сочь іюльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочь...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Отроманировавшій нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ бандажъ*...

1918 XI

Въ роли рикши

Пятнадцать верстъ на саночкахъ норвежскихъ
Я везъ тебя равниной снѣговой,
На небѣ видя зубровъ бѣловѣжскихъ,
Изъ облаковъ содѣянныхъ мечтой.

Пятнадцать верстъ отъ Тойлы и до Сомпе,
Въ дорогѣ раза два передохнувъ,
Я везъ тебя, и вспоминалъ о помпѣ,
Съ какой поилъ виномъ меня Гурзуфъ...

Пятнадцать верстъ, уподобляясь рикшѣ,
Черезъ поля и лѣсъ тебя я вёзъ...
Но къ лошадиной роли не привыкши,
Прошу мнѣ дать обѣдъ, а не овёсъ...

Квинтина V

Когда поэтъ-милліонеръ,
При всемъ своемъ богатствѣ, — скряга,
Онъ, очевидно, духомъ сѣръ.
Портянки, лапти и сермяга —
Нутро. Снаружи — эксцессеръ.

О, пошехонскій эксцессеръ,
Сфрачена твоя сермяга!
О, нищенскій милліонеръ,
Твой алый цвѣтъ промозгло-сѣръ!
Ты даже въ ощущеньяхъ скряга!

Противенъ мотъ. Противнѣй скряга,
Тѣмъ болѣе — милліонеръ,
Кому отцовская сермяга
Стѣснительна: вѣдь эксцессеръ
Фракъ любитъ — черенъ онъ иль сѣръ...

Вообразите: фракъ — и сѣръ...
Тогда рутинствуй, эксцессеръ!
Тогда кути безпутно, скряга!
Тогда бѣдуй, милліонеръ!
Стань фракомъ, сѣрая сермяга!

Компрометируетъ сермяга
Того лишь, кто душою сѣръ.
Отвратенъ горе-эксцессеръ, —
По существу — скопецъ и скряга,
По кошельку — милліонеръ.

Лэ II

(Алексѣю Масаинову)

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Цвѣтутъ въ саду такіе анемоны,
Что другъ ея, испанскій капитанъ,
Ей предсказалъ „карьеру“ Дездемоны.
Не мудрено: ихъ пряный ароматъ
Всѣхъ соблазнитъ, и, ревностью объятъ,
Нашъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны.

Нашъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны,
Когда микадо, позабывъ свой санъ,
Придетъ къ японкѣ предлагать ей троны, —
За исключеніемъ своей, — всѣхъ странъ...
И за зелёнымъ чаемъ съ ней болтая,
Предложитъ ей владѣнія Китая:
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ.“

„За поцѣлуй Китай Вамъ будетъ данъ“, —
И Ойя-Санъ воздастъ ему поклоны,
И Ойя-Санъ введетъ его въ дурманъ,
Въ крови царя она пробудитъ звоны...
Сверкая чернымъ жемчуговъ зубовъ,
Струя ирисъ подъ шолкъ его усовъ,
Она познаетъ нѣгные уроны.

Она познаетъ нѣгные уроны,
И, солнцемъ глазъ гетеры осіянъ,
Забудетъ бремя и дефектъ короны
Микадо, отъ ея лобзаній пьянъ.
Потомъ, съ неловкостью произношенья
Сказавъ: „adieu“, уйдетъ — и въ подношенье,
Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ... тюльпанъ.

Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ тюльпанъ
Высокій bon vivant „нейтральной зоны",
Нелюбящій въ свиданьяхъ „барабанъ",
Ходящій чрезъ ограду и газоны,
Чтобъ (какъ грузины говорятъ: шайтанъ!)
Придворный не схватилъ за панталоны,
Усердіемъ особымъ обуянъ...

Усердіемъ особымъ обуянъ,
Придворный сыщикъ, жолтый какъ лимоны,
Не постѣснится изъ дворца шантанъ
Устроить на пиру жрецовъ Мамоны
И (сплетней, — не буквально!) за штаны
Схвативъ царя, съ вспѣнённостью волны
Друзьямъ разскажетъ „сверх-декамероны"...

Друзьямъ разскажетъ „сверх-декамероны"
Дворцовый „шпикъ" — невѣжда и болванъ.
Не оттого-ль, чтобъ не дразнить „тромбоны",
Избралъ заборъ микадо-донжуанъ?
Онъ отдохнетъ отъ суеты житейской,
Какъ азіатской, такъ и европейской,
У подданной, у гейши Ойя-Санъ.

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Микадо самъ ее повергнетъ въ стоны:
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ", —
Она познаетъ нѣгные уроны, —
Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ тюльпанъ...
Усердіемъ особымъ обуянъ,
Друзьямъ разскажетъ „сверх-декамероны"...

У гейшъ

Разноцвѣтно поютъ фонарики,
Отзеркаленные заливомъ,
И трелятъ на флейтахъ арійки
Гейши, подобныя сливамъ...

Въ кимоно фіолетово-розовомъ,
Смѣющіяся чаруйно,
Съ каждымъ, волнуемымъ позывомъ,
Встрѣчаются безпоцѣлуйно...

Уютные домики чайные
Выглядятъ, какъ игрушки.
Моряки, гости случайные,
Пьютъ чай изъ фарфоровой кружки.

И передъ гейшами жолтыми
Хвастаютъ лицами милыхъ
На карточкахъ съ глазами проколотыми
За нарушенье „клятвъ до могилы"...

Японки смотрятъ усмѣшливо
На чуждыхъ женщинъ безглазыхъ
Съ душою края нездѣшняго,
Вынутыхъ изъ-за пазухъ...

Шалунья Сливная Косточка
Отбросила вѣеръ бумажный,
И на гостя посыпалась горсточка
Вишенъ, манящихъ и влажныхъ...

III

ШОРОХИ ИНТУИЦІИ

Поэза Упадка

Къ началу войны европейской
Изысканно-тонкій развратъ,
Отъ спальни царей до лакейской,
Достигъ небывалыхъ громадъ.

Какъ будто Содомъ и Гоморра
Воскресли, принявъ новый видъ:
Повальное пьянство. Лѣнь. Ссора.
Зарѣзанъ. Повѣшанъ. Убитъ.

Художественнаго салона
И пьяной харчевни стезя
Совпала по сходству уклона.
Ихъ было различить нельзя.

Паскудно гремѣло витійство,
Которымъ возславленъ былъ грѣхъ.
Заразное самоубійство
Едва заглушало свой смѣхъ.

Дурилъ хамоватый извощикъ,
Какъ дэнди эстетный дурилъ.
Равно среди толстыхъ и тощихъ
Царили замашки гориллъ.

И то, что расцвѣтомъ культуры
Казалось, была только гниль.
Утонченно-тонныя дуры
Выдумывали новый стиль.

Онѣ, кому въ нравственномъ тѣсно,
Крошили бананы въ икру,
Затѣявали такъ эксцессно
Флиртирующую игру.

Измызганно-плоскіе фаты,
Потомственные ромали,
Чьи руки торчатъ, какъ ухваты,
Напакоститься не могли.

Народъ, угнетаемый дрянью
Безмозглой, бездарной, слѣпой,
Усвоилъ повадку баранью:
Сталъ глупый, упрямый, тупой.

А царь, алкоголикъ безвольный,
Усѣлся на тронѣ втроемъ:
Съ царицею самодовольной
И *родственнымъ ей* мужикомъ.

Былъ образъ правленья безпутенъ, —
Угрозный примѣръ для коронъ:
Безчинствовалъ пьяный Распутинъ,
Усѣвшись съ ногами на тронъ.

Упадочные модернисты
Писали ослинымъ хвостомъ
Пейзажи, и лишь букинисты
Имѣли Тургенева томъ.

Свирѣпствовали декаденты
Въ поэзіи, точно чума.
Дарили такіе моменты,
Что люди сбѣгали съ ума.

Уродливымъ кактусомъ роза
Смѣнилась для моды. Коза
Къ любви призывалась. И поза
Назойливо лѣзла въ глаза.

Но этого было всё мало,
И сытый желудокъ хотѣлъ
Вакхическаго карнавала
Разнузданныхъ въ похоти тѣлъ.

И люди пустились въ эксцессы,
Какіе не снились скотамъ.
Изнервленныя поэтессы
Кривлялись юродиво тамъ.

Кишки обжигались ликёромъ,
И похоть будили смѣшки,
И въ тактъ бархатистымъ рессорамъ
Качелились въ язвахъ кишки.

Живые и сытые трупы,
Безъ помысловъ и безъ идей,
Ушли въ черепашіи супы, —
О, люди безъ сути людей!

Имъ стало филе изъ лягушки
Дороже пшеницы и ржи,
А яды, наркозы и пушки —
Нужнѣе, чѣмъ лѣсъ и стрижи.

Какъ сѣти, ткать стали интриги
И ближнихъ опутавъ, какъ рыбъ,
Забыли музеи и книги,
Въ рукѣ затаили ушибъ!

Злорадно они ушибали
Того, кто довѣрился имъ.
Такъ всё очутилось въ опалѣ,
Что было правдиво-святымъ.

И впрямь! для чего людямъ святость?
Для святости — анахоретъ!
На подвиги, боль и распятость
Отнынѣ наложенъ запретъ.

И врядъ ли при томъ современно
Увѣровать имъ въ интелектъ
И въ Бога. Удѣлъ ихъ — надменно
Итти мимо „разныхъ тамъ сектъ" ...

И вотъ, подъ вліяніемъ моды,
Святое отринувшей, всѣ
На модныхъ ходуляхъ „комоды"
Вдругъ кругъ завели въ колесѣ.

Какъ слѣдствіе чуши и вздора —
Неистово вверглись въ войну.
Воскресли Содомъ и Гоморра,
Покаранные встарину.

1918 XII

Борису Вѣрину

Въ свое „сиреневое царство"
Меня зовешь ты въ Петроградъ.
Что это: ѣдкое коварство?
Или и вправду мнѣ ты радъ?

Какъ жостко, сухо и жестоко
Жить средь безчисленныхъ гробовъ,
Средь дикихъ выходцевъ съ востока
И „взбунтовавшихся рабовъ"!

И какъ ты можешь, тонкій, стильный,
Ты, принцъ отъ ногъ до головы,
Жить въ этой затхлости могильной
Въ болотахъ призрачной Невы?

Скелетовидная Холера
И пучеглазая Чума
Безпутствуютъ, смѣются сѣро,
Ужасныя, какъ смерть сама.

И методически Царь Голодъ
Республику свергаетъ въ топь...
А ты, который гордъ и молодъ,
Предъ нимъ — опомнись! — не холопь!..

Бѣги ко мнѣ, страшись „татарства"!
Мой край возникъ, какъ нѣкій стражъ.
Твое-жъ „сиреневое царство" —
Болотный призракъ и миражъ.

Не дай мнѣ думать, рыцарь вѣрный,
Чей взлётъ всегда былъ сердцу любъ,
Что ты безчувственный, безнервный,
Что ты средь грубыхъ самъ огрубъ.

1918 XII

Отходная Петрограду

За дряхлой Нарвой, верстъ за двѣсти,
Какъ окровавленный пиратъ,
Все топчется на топкомъ мѣстѣ
Кончающійся Петроградъ.

Кошмарный городъ — привидѣнье!
Мятежный рабъ! живой мертвецъ!
Исполни предопредѣленье:
Пріемли страшный свой конецъ!

Въ молитвахъ твоего литурга
Нѣтъ о твоемъ спасеньи просьбъ.
Ты мертвъ со смертью Петербурга, —
Мечты о воскресеньи брось.

Эпоха твоего парада —
Въ сіяньи праздничныхъ дворцовъ.
Нѣтъ ничего для Петрограда:
О, городъ — склепъ для мертвецовъ!

Твоя пугающая близость —
Надъ нами занесённый ножъ.
Твои болѣзни, голодъ, сырость —
Вотъ чѣмъ ты власть свою умножь!...

Ты проклятъ. Надъ тобой проклятья.
Ты точно шхуна безъ руля.
Раскрой же топкія объятья,
Держащая тебя земля.

И пусть фундаментомъ другому
Красавцу-городу гранитъ
Пребудетъ твой: пусть по иному
Тебя Россія сохранитъ...

1918 XII

Конечное Ничто

Съ ума сойти — рѣшить задачу:
Свобода это иль мятежъ?
Казалось, всё сулитъ удачу, —
И вотъ теперь удача гдѣ-жъ?

Просторъ лазоревыхъ теорій,
И практика — мрачнѣй могилъ...
Какая ширь была во взорѣ!
Какъ стебель росъ! и стебель сгнилъ...

Какъ знать: отсталость ли европья?
Передовитость россіянъ?
Натура-ль русская — холопья?
Сплошной кошмаръ. Сплошной туманъ.

Изнемогли въ противорѣчьяхъ.
Не понимаемъ ничего.
Всё грезимъ о какихъ-то встрѣчахъ —
Но съ кѣмъ, зачѣмъ и для чего?

Мы призраками дуализма
Приведены въ такой испугъ,
Что даже солнечная призма
Таитъ грозящій намъ недугъ.

Грядетъ Антихристъ? не Христосъ ли?
Иль оба вмѣстѣ? раньше — кто?
Сначала тьма? не свѣтъ ли послѣ?
Иль погрузимся мы въ *ничто?*

1918 XII

Монологъ императрицы

Я, вдовствующая императрица,
Сажусь на свой крылатый быстрый бригъ
И отплываю въ море, чтобъ укрыться
Отъ всѣхъ придворныхъ сплетенъ и интригъ.

Мой старшій сынъ, сидящій на престолѣ,
И иноземная его жена
Въ такомъ погрязли мрачномъ ореолѣ,
Что ими вся страна поражена.

Его любовницъ алчущая стая,
Какъ разъяренныхъ скопище пантеръ,
Рветъ мантію его изъ горностая
Руками недостойными гетеръ.

Его жена, отъ ревности свой разумъ
Теряя, зло и мелко мститъ ему.
А весь народъ, подверженный заразамъ,
Грузится въ похоть, пьянство, лѣнь и тьму.

Имъ льститъ въ глаза разнузданная свита,
Куя исподтишка переворотъ.
О, паутиной цѣпкою повита
Интрига та, ползущая въ народъ.

Ни съ кѣмъ и ни о чёмъ не сговориться
Въ странѣ, пришедшей къ жалкому нолю.
Бездѣйствующая императрица,
Спѣшу уплыть къ сосѣду-королю.

Къ воскресенью

Идутъ въ Эстляндіи бои, —
Грохочутъ бѣшено снаряды,
Проходятъ дикіе отряды,
Вторгаясь въ грустныя мои
Мечты, вершащія обряды.

Отъ нескончаемой вражды
Политиканствующихъ партій
Я изнемогъ; ищу на картѣ
Спокойный уголъ: ликъ Нужды
Еще уродливѣй въ азартѣ.

Спаси меня, Великій Богъ,
Отъ этихъ страшныхъ потрясеній,
Чтобъ въ благостной весенней сѣни
Я отдохнуть немного могъ,
Повѣривъ въ чудо воскресеній.

Воскресни въ мірѣ, тихій миръ!
Любовь къ нему, въ сердцахъ воскресни!
Искусство, расцвѣти чудеснѣй,
Чѣмъ въ дни былые! Ты, строй лиръ,
Бряцай намъ радостныя пѣсни!

Во имя искусства

Они идутъ на Петроградъ
Спасти науку и искусство.
Всей полнотой, всей ширью чувства
Поэтъ привѣтствовать ихъ радъ.

Печальный опытъ показалъ,
Какъ отвратительна свобода
Въ рукахъ неумнаго народа,
Что отъ свободы одичалъ.

Царь свергнутъ былъ. Пустой престолъ
Привлекъ не мало претендентовъ,
И въ выкрашенныхъ кровью лентахъ
На тронъ усѣлся Произволъ.

А ты, поэтъ-идеалистъ,
Въ свободу вѣрившій такъ свято,
Постигъ, что ею нагло смято
Всё то, чѣмъ міра взоръ лучистъ.

Ни президента, ни царя, —
Или обоихъ сразу вмѣстѣ!
Лишь бы была на прежнемъ мѣстѣ
Святая цѣнность алтаря.

Газэлла X

Въ эти тягостные годы сохрани меня, Христосъ!
Я Тебѣ слагаю оды, — сохрани меня, Христосъ!

Каюсь: грѣшенъ. Каюсь: вспыльчивъ. Каюсь: дерзокъ. Каюсь: золъ.
Но грѣшнѣй меня народы. Сохрани насъ всѣхъ, Христосъ!

Я въ Тебя, Господь Мой, вѣрилъ. Я всегда Тебя любилъ.
Я — пѣвецъ Твоей природы: сохрани меня, Христосъ!

Пусть воспрянутъ, оживая, исцѣляясь, міръ хваля,
Всѣ калѣки и уроды, — сохрани ихъ всѣхъ, Христосъ!

Помни: я, Твой рыцарь вѣрный, Твой воспѣвецъ, геній Твой —
Человѣческой породы, — сохрани меня, Христосъ!

Словомъ добрымъ, дѣломъ мудрымъ, отпущеніемъ грѣховъ,
Въ нашихъ душахъ, гдѣ невзгоды, сохрани Себя, Христосъ!

Секстина IV

(„Ингеборгъ“, Келлермана)

Кто смерть, на жизнь напавшую, отторгъ
Своей любовью — бархатной рапирой, —
Какой тому пришлось вкусить восторгъ!
Какъ онъ воспѣтъ вселенской вѣщей лирой!
Безсмертенъ Аксель, спасшій Ингеборгъ
Своей любви благоуханной миррой!

Чье чувство распустилось въ сердцѣ миррой,
Тотъ, побѣдивъ стихію, смерть отторгъ.
Пусть вѣроломна память Ингеборгъ,
И пусть измѣны ржавою рапирой
Она пронзила Акселя, пусть: лирой
Воспѣтыя, ихъ имена — восторгъ.

Любовь всегда должна будить восторгъ,
Благоухая терпко-пряной миррой,
Звучать волшебно-звонной пламной лирой,
И горе тѣмъ, кто свѣтлую отторгъ:
Проклятье поразитъ его рапирой, —
Такъ проклята во-вѣки Ингеборгъ.

О, радость жизни! солнце! Ингеборгъ!
Будившая вокругъ себя восторгъ!
Развившая сердца взорорапирой!
Упившаяся сердцемъ друга, — миррой, —
Чей, какъ не твой, взоръ — Акселя отторгъ,
Прославленнаго пламенною лирой!

О, бѣдный князь! взамѣнъ воспѣтья лирой —
Ты возвратилъ бы лучше Ингеборгъ . . .
Но нѣтъ, но нѣтъ! души твоей восторгъ,
Которымъ смерть ты отъ нея отторгъ,
Не понятъ ею. Не кадить бы миррой
Измѣнницѣ, — пронзить ее рапирой.

Благословенъ не тронувшій рапирой:
Онъ не былъ бы воспѣтъ вселенской лирой.
Благословенна, вспыхнувшая миррой
Для Акселя, и ты, ты, Ингеборгъ,
Проклятая, исторгшая восторгъ
Въ его душѣ, что смерть твою отторгъ!

1918 VIII

Секстина V

Въ моей странѣ — разбои и мятежъ,
Въ моей странѣ — холера, тифъ и голодъ.
Кто причинилъ ея твердынѣ брешь?
Кѣмъ духъ ея кощунственно расколотъ?
Надежда въ счастье! сердце мнѣ онѣжь! —
Я жить хочу! я радостенъ и молодъ!

Меня пойметъ, кто, какъ и я, самъ молодъ,
Кому претитъ разнузданный мятежъ,
Кто, мнѣ подобно, молитъ жизнь: „Онѣжь!"
Кому угрозенъ тифъ и черный голодъ,
Кто цѣленъ, бодръ и духомъ не расколотъ,
Кому отвратна въ государствѣ брешь.

Да, говоритъ о разрушеньи брешь . . .
Живой лишь разъ, единственный разъ, молодъ!
И если жизни строй разбитъ, расколотъ,
И если угнетаетъ всѣхъ мятежъ,
И если умерщвляетъ силы голодъ,
Какъ не воскликнуть: „Счастье! насъ онѣжь!"

Лишь грубому не нуженъ вскрикъ: „Онѣжь!"
Ему, пожалуй, даже ближе брешь,
Чѣмъ цѣлостность; ему, пожалуй, голодъ
Отраднѣе чѣмъ сытость; онъ и молодъ
По своему: вскормилъ его мятежъ,
И отъ рожденья грубый весь расколотъ.

Ужасный вѣкъ: онъ цѣликомъ расколотъ!
Ему смѣшно сердечное: „Онѣжь!"
Онъ, дикій вѣкъ, онъ самъ сплошная брешь.
Его мятежъ — разбойничій мятежъ.
Онъ съ дѣтства старъ, хотя лѣтами молодъ,
И вскормленъ имъ царь людоѣдовъ — Голодъ.

Но онъ умретъ обжора жирный Голодъ,
Кѣмъ духъ людской искусственно расколотъ!
И я, и ты, и каждый будетъ молодъ!
И ужъ не мы судьбѣ, она: „Онѣжь!“
Воскликнетъ намъ. Мы замуравимъ брешь,
И противъ грабежа зажжемъ мятежъ!

Секстина VI

Эстонія, страна моя вторая,
Что патріоты родиной зовутъ,
Мнѣ принесла всё достоянье края,
Мнѣ создала безоблачный уютъ,
Меня отъ прозы жизни отрывая,
Давъ сладость идиллическихъ минутъ.

„Вкуси восторгъ чарующихъ минутъ
И не мечтай, что будетъ жизнь вторая;
Пей жадно радость, устъ не отрывая;
И слушай, какъ лѣса тебя зовутъ;
Ступай въ зеленолиственный уютъ,
Пріявшаго гостепріимно края.

Быть можетъ, подъ луной иного края
Когда-нибудь ты вспомнишь пѣснь минутъ,
Тебѣ дававшихъ благостный уютъ,
Вздохнешь, что гдѣ-то родина вторая,
Которую Эстоніей зовутъ,
Влечётъ тебя, отъ юга отрывая.

Тогда приди, въ мечтахъ не отрывая
Любви ко мнѣ, отъ пламеннаго края
На сѣверъ свой, гдѣ всѣ своимъ зовутъ
Тебя, поэтъ, чарунъ святыхъ минутъ:
Вѣдь творчество твое, какъ жизнь вторая,
Даетъ намъ сказку, счастье и уютъ."

Благословенъ Эстоніи уютъ,
Который, отъ Россіи отрывая
Благочестивою душою края,
Какъ мать, какъ сонъ, какъ родина вторая,
Соткалъ гамакъ качелящихъ минутъ.
Минуты тѣ! ихъ творчествомъ зовутъ . . .

Но чу! что слышу я? меня зовутъ
Къ оружію! Прости, лѣсной уютъ,
И вы, цвѣты сиреневыхъ минутъ,
Простите мнѣ! Бездушно отрывая
Отъ васъ, отъ милыхъ мнѣ, за цѣлость края
Жизнь требуетъ мою страна вторая . . .

Секстина VII

Здѣсь въ крымскую кампанію жилъ Фетъ —
Въ Эстляндіи приморской, прибалтійской;
Здѣсь Сологубъ, плѣнительный поэтъ,
Жилъ до войны съ Германіей царійской;
Здѣсь я теперь живу, почти семь лѣтъ
Знакомый съ нею, милою и близкой.

Здѣсь жилъ Бальмонтъ — въ странѣ, къ Россія близкой,
Здѣсь Брюсовъ былъ, изысканный какъ Фетъ,
Здѣсь лейтенантъ Случевскій, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Пѣлъ красоту природы прибалтійской,
Но, посланъ въ бой по волѣ злой царійской,
У береговъ японскихъ палъ поэтъ

Не для боевъ рождается поэтъ,
А для души, его напѣву близкой . . .
Лишь произволъ убійственный царійскій
Могъ посылать такихъ пѣвцовъ, какъ Фетъ,
Въ отряды! . . Но хранилъ край прибалтійскій
Талантливыхъ людей въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Тому назадъ уже тринадцать лѣтъ,
Какъ у Цусимы смерть нашолъ поэтъ,
На „Александрѣ III-мъ“ прибалтійскій
Край бросившій, воспѣвшій Ревель, близкій
Своей душѣ. Привѣтъ его, о Фетъ,
Въ обители надсолнечно-царійской!

Царизмъ земной отринувъ, лишь царійскій
Небесный рай я признаю, гдѣ лѣтъ,
Какъ и мгновеній, нѣтъ, гдѣ живъ поэтъ,
Кто-бъ ни былъ онъ: Случевскій или Фетъ, —
И вотъ теперь, къ своей кончинѣ близкій,
Я рай пою, живя въ странѣ балтійской.

Цвѣти же, край — эстонскій, прибалтійскій,
Отвергнувшій строй низменный, царійскій:
Моей душѣ ты родственный и близкій!
Цвѣти же, край, десятки, сотни лѣтъ
И помни, что мечталъ въ тебѣ поэтъ,
Такой поэтъ, какъ несравненный Фетъ!

Секстина VIII

Мой домъ стоитъ при въѣздѣ на курортъ
У кладбища, у парка и у поля.
Онъ свиду простъ, но мною домъ мой гордъ:
Онъ чувствуетъ — тамъ, гдѣ поэтъ, тамъ воля.
Въ немъ за аккордомъ я беру аккордъ,
Блаженствуя, мечтая и короля!

Привыкни, смертный, жить, всегда короля,
И въ каждой деревушкѣ видь курортъ,
Буди въ своей душѣ цвѣтной аккордъ,
Люби просторъ и ароматы поля, —
И, можетъ быть, тебя полюбитъ воля,
И будешь ты ея любовью гордъ.

Безличный рабъ — и вдругъ ты будешь гордъ,
Средь окружающихъ рабовъ короля!..
Познаешь ли, что означаетъ воля?..
Не превратишь ли въ свальный ровъ курортъ?..
Не омерзишь ли дѣвственнаго поля?..
Не соберешь ли ругань всю въ аккордъ?..

Аккордъ аккорду рознь. Звучи, аккордъ
Лишь тотъ, что упоителенъ и гордъ:
Аккордъ лѣсовъ, ручьевъ, морей и поля!
Надъ толпами властительно короля,
Озвучь своимъ бряцаніемъ курортъ
И покажи, какъ сладкозвучна воля!

Да здравствуетъ всегда и всюду воля
И вольный, волевой ея аккордъ!
Кто слушалъ пѣсню воли, будетъ гордъ.
Пусть вольные сберутся на курортъ,
Надъ плотью духомъ солнечно короля,
Свободу растворяя въ волѣ поля.

Не оттого ли и мой домъ у поля,
Гдѣ на просторѣ поля бродитъ воля?
Не оттого-ль душа моя, короля,
Берётъ свободный огненный аккордъ?
Не оттого-ль моимъ воспѣтьемъ гордъ
И мной самимъ заброшенный курортъ?..

Секстина IX

Двѣ силы въ мірѣ борются отвѣка:
Одна — Духъ Тьмы, другая — Свѣтлый Духъ.
Подвластна Силамъ сущность человѣка,
И цѣликомъ зависитъ онъ отъ двухъ.
И будь то Эсмеральда, иль Ревекка,
У нихъ всё тотъ-же двойственный пастухъ.

На пастуха возсталъ другой пастухъ.
Для ихъ борьбы имъ не хватаетъ вѣка.
Для Эсмеральды точитъ ножъ Ревекка —
То ею управляетъ Злобный Духъ.
Когда-жъ побѣда лучшей силъ изъ двухъ,
Тогда прощаютъ люди человѣка.

Что выше — оправданья человѣка?! .
Когда блюдетъ стада людей Пастухъ
Въ одеждѣ бѣлой, грѣшницы, изъ двухъ,
Оправданными будутъ обѣ: вѣка
Отрада и надежда — Свѣтлый Духъ,
И какъ ты безъ него жила-бъ, Ревекка?

Нѣтъ, ты не зла: злыхъ вовсе нѣтъ, Ревекка,
Но горе причинить для человѣка
Тебѣ легко: такъ хочетъ Черный Духъ . . .
Но Свѣтозарный не уснулъ Пастухъ:
Онъ зло твое разсѣялъ вихремъ вѣка, —
И ты невинна, какъ дитя лѣтъ двухъ.

Но такъ какъ ты во власти грозныхъ двухъ
Великихъ Силъ, ничтожная Ревекка,
Но такъ какъ ты и обликъ человѣка
Имѣешь, данный Силами, то вѣка
Тебѣ не передѣлать: Злой Пастухъ
Въ тебя опять вмѣщаетъ грѣшный духъ.

Издревле такъ. Но будетъ день — и Духъ
Въ одеждѣ солнца и луны, изъ двухъ
Планетъ сотканной, встанетъ, какъ Пастухъ
И Духа Тьмы, и твой, и всѣхъ, Ревекка!
Господь покажетъ взору человѣка,
Что покоренъ Бунтующій отвѣка! . .

Секстина X

Мнѣ кажется, что сердце біандріи,
Идейной біандріи, — виноградъ.
Оно стремится въ зной Александріи,
Лёдъ Мурмана въ него вмѣститься радъ.
Ему отраденъ запахъ маляріи,
Ему набатны оргіи трибадъ.

Вліянье винограда на трибадъ,
Какъ и на сердце пламной біандріи,
Утонченнѣй міазмовъ маляріи.
Да, въ ихъ тѣлахъ блуждаетъ виноградъ,
Онъ опьянять безумствующихъ радъ
Экваторьяльностью Александріи.

Причинъ не мало, что въ Александріи
Гораздо больше чувственныхъ трибадъ,
Чѣмъ въ Швеціи: способствовать имъ радъ
Тамъ самый воздухъ. Но для біандріи
И выльденный шипучій виноградъ
На сѣверѣ — намёкъ о маляріи . . .

Въ Батумѣ, тамъ, гдѣ царство маляріи,
Гордятся пальмы, какъ въ Александріи,
У рощъ лимонныхъ вьется виноградъ,
Зовя къ себѣ мечтанія трибадъ.
Онъ, родственный инстинктамъ біандріи,
Припасть къ колѣнямъ, льнущимъ къ страсти, радъ.

О, какъ туристъ бываетъ ярко радъ,
Когда ему удастся маляріи
Избѣгнуть, или зной въ Александріи
Умѣрить льдянымъ взоромъ біандріи
Кокетливой, иль въ хохоткѣ трибадъ
Пить дышущій поляромъ виноградъ . . .

Не для мужчинъ трибадный виноградъ, —
Его вкусивъ, не очень будешь радъ:
Въ немъ смѣхъ издѣвный дѣвственныхъ трибадъ . . .
Страшись и біандрійной маляріи,
То вѣющей огнемъ Александріи,
То — холодомъ распутной біандріи . . .

Лэ III

Покаранъ міръ за тягостныя вины
Свои ужаснѣйшей изъ катастрофъ:
Въ крови людской цвѣтущія долины,
Орудій штормъ, и груды мертвецовъ,
Развалъ культуры, грозный крахъ науки,
Искусство въ угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голодъ, и процессіи гробовъ.

Царь Голодъ и процессіи гробовъ,
Пиръ хамовъ и тяжелыя кончины,
И притѣсненье солнечныхъ умовъ,
И танки, и ньюпоръ, и цеппелины,
И дьяволъ, учредившій фирму Круппъ,
Испанская болѣзнь, холера, крупъ —
Всё бѣдствія, при томъ не безъ причины...

Всё бѣдствія, при томъ не безъ причины:
Отъ дѣяній, отъ мыслей и отъ словъ.
Еще порхаютъ ножки балерины,
Еще не смолкли вѣтерки стиховъ,
Еще звучатъ цвѣтенія сонаты,
Еще воркуютъ сладко адвокаты, —
А міръ пріять конецъ уже готовъ.

Да, міръ пріять конецъ уже готовъ
Въ когтяхъ нечеловѣческой кручины,
Предъ суднымъ ликомъ массовыхъ голгоѳъ
И предъ разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и значитъ — будетъ живъ
И грѣшный міръ — весь трепетъ, весь порывъ!
Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины!

Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины,
Въ благоуханномъ шелестѣ дубровъ,
Въ сіяньи солнца, въ звукахъ мандолины,
Въ протяжномъ гудѣ сѣверныхъ вѣтровъ,
Въ любви сердецъ, въ изнѣжіи малины,
Въ симфоніяхъ и въ мѣди четкихъ строфъ.
Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!

Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!
Онъ будетъ до скончанія вѣковъ
Самимъ собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу изъ боговъ!
Да здравствуетъ во-вѣкъ величье міра!
Да славитъ міръ восторженная лира!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!
Греми, оркестръ! Цвѣтите, апельсины!
Пылай, костеръ! Я слышу жизни зовъ!
Передъ глазами — чарныя картины,
И дали вѣютъ свѣжестью морской.
Но помни впредь, безбожный родъ людской:
Покаранъ міръ за тягостныя вины.

Покаранъ міръ за тягостныя вины:
Царь Голодъ и процессіи гробовъ —
Все бѣдствія, при томъ не безъ причины,
И міръ пріять конецъ уже готовъ.
Но будетъ жить, взнесенный на вершины,
Міръ исполинъ, — безсмертны исполины!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

Лэ IV

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина, —
Такъ что же есть тогда на этомъ свѣтѣ?!
Чье нерадѣнье, лѣнность, чья вина
Поймали насъ въ невидимыя сѣти?
Надолго-ль это? близокъ ли исходъ?
Какъ будетъ реагировать народъ? —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ.

Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ,
И даль, что за туманомъ не видна...
Не знаю, какъ въ народѣ, но въ поэтѣ
Вздрожала раздраженная струна:
Цари водили войны изъ-за злата,
Губя народъ, а намъ теперь расплата
За ихъ проступки мстительно дана?!

За ихъ проступки мстительно дана
Намъ эта жизнь лишь съ грёзой о кларетѣ...
А мы молчимъ, хотя намъ и ясна
Вся низость ихъ, и ропщемъ, точно дѣти...
Но гдѣ-же возмущенье? гдѣ протестъ?
И отчего несемъ мы чуждый крестъ
Ни день, ни годъ, — а нѣсколько столѣтій?!

Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій
Мы спины гнемъ. Но близится волна
Сліянья нашихъ мыслей, — тутъ ни плети,
Ни аресты, ни пытка, что страшна
Лишь малодушнымъ, больше не помогутъ:
Мы уничтожимъ Произвола догматъ, —
Намъ молодость; смерть старымъ суждена.

Намъ молодость. Смерть старымъ суждена.
Художникъ на холстѣ, поэтъ въ сонетѣ,
Въ кантатѣ композиторъ, кѣмъ звучна
Искусства гамма, репортеръ въ газетѣ,
Солдатъ въ походѣ — всѣ, кому нѣжна
Такая мысль, докажутъ пусть всѣ эти
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна.

Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Докажетъ пусть Зизи въ кабріолетѣ:
Она всѣмъ угнетаемымъ вѣрна.
Такъ пусть найдетъ кинжальчикъ на колетѣ
И броситъ на подмогу бѣдняку,
Чтобъ онъ убилъ въ душѣ своей тоску
И радость въ новомъ утвердилъ завѣтѣ.

Такъ радость въ новомъ утвердилъ завѣтѣ
И старъ, и малъ: мужъ, отрокъ и жена.
Пусть въ оперѣ и въ драмѣ, и въ балетѣ
Свобода будетъ впредь закрѣплена:
Пускай искусство воспоетъ свободу,
И слѣдующій вопль нашъ канетъ въ воду:
„Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина!"

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ.
За „ихъ" проступки мстительно дана, —
Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій, —
Намъ молодость: смерть старымъ суждена!
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Пусть радость въ новомъ утвердитъ завѣтѣ.

Лӭ V

Они придутъ — ни эти и ни тѣ,
Тѣ, что живутъ теперь и прежде жили,
А новые, кто преданъ Чистотѣ,
Съ лазурью въ каждой венѣ, въ каждой жилѣ.
Безвраждные, не знающіе смутъ,
Незлобиво-прекрасные, — придутъ,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили.

Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили
И отошли, погрязшіе въ тщетѣ,
Въ свой смертный сонъ, чтобъ больше не вражили
Въ уродствѣ, злѣ, грязи и нищетѣ.
Мы имъ уступимъ мѣсто на планетѣ,
И наши торжествующія дѣти
Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ.

Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ,
Зло побѣдятъ единодушно, или
Не будутъ вовсе жить, въ своей мечтѣ
Узрѣвшіе лазоревыя были.
Плѣнительнымъ и легкимъ станетъ трудъ,
Все лучшее себѣ они возьмутъ,
И забожатъ, какъ дѣды не божили.

И забожатъ, какъ дѣды не божили,
Грядущіе, со взоромъ къ высотѣ
Направленнымъ, съ которымъ подружили
Луна и звѣзды въ свѣтлой темнотѣ.
Они отвергнутъ спецное гурманство,
Они воздвигнутъ культъ вегетарьянства,
И будутъ жить въ священной простотѣ.

И будутъ жить въ священной простотѣ,
Служа ни звѣрской, дерзкой, мерзкой силѣ;
А духу своему, пѣть о Христѣ,
О томъ, какъ мы Исуса поносили
Въ своей безчеловѣчной пустотѣ,
Пѣть о Его расхолмленной могилѣ,
Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ.

Пѣть о Христовомъ пòдвижномъ крестѣ
Могли-бъ и мы, пока еще мы были
Безгрѣшными, пока на животѣ
Не ползали и не глотали пыли.
Но нѣтъ: мы тьмѣ сіянье предпочли,
Погрязли въ злобной тинѣ и пыли,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли,
Предавшись сладострастью, клеветѣ
И всѣмъ земнымъ грѣхамъ, — мы утаили
Въ себѣ нашъ духъ, въ своей неправотѣ.
Пусть насъ, разнузданныхъ, безъ устрашенья,
Проститъ за дѣянья и прегрѣшенья
Они придутъ — ни эти и ни тѣ.

Они придутъ — ни эти и ни тѣ,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили,
Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ
И забожатъ, какъ дѣды не божили.
И будутъ жить въ священной простотѣ,
Пѣть о Христовомъ пòдвижномъ крестѣ,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

Финалъ

Кончается одиннадцатый томъ
Моихъ стиховъ, поющихъ о бываломъ,
О невозвратномъ, сказочномъ, о томъ,
Что пронеслось крылатымъ карнаваломъ.

Не возвратить утонченныхъ усладъ
Въ любви, въ искусствѣ, въ спортѣ, въ ликерахъ, —
Во всемъ, во всемъ!.. Заплачьте, и назадъ
Смотрите всѣ съ отчаяньемъ во взорахъ.

Пусть это все — игрушки, пустяки,
Никчемное, ненужное, пустое!..
Что до того! дни были такъ легки,
И въ нихъ таилось нѣчто дорогое!

Любили мы любовь и пикники,
И души винъ и женщинъ тонко знали.
Вначалѣ повстрѣчали насъ вѣнки,
И поношенье хамское — въ финалѣ.

Мы смѣли жить! мы смѣли отдавать
Чарующій долгъ великолѣпной модѣ,
Не утомясь мучительно мечтать
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ.

Вамъ „новымъ", вамъ „идейнымъ" не понять
Ажурности „ненужнаго" былого:
На вашихъ лбахъ — бездарности печать
И на устахъ — стухъ рѣжущее слово!..

Конечно, я для васъ — „аристократъ",
Котораго презрѣть должна Рассея... —
Поэтъ, какъ Геній, мыслитель, какъ Сократъ, —
Не я-ль достигъ въ искусствѣ апогея?

Но будетъ день, — и въ русской головѣ
Забродятъ снова мысли золотыя
И памятникъ воздвигнетъ мнѣ въ Москвѣ,
Изживъ „Рассею", вѣчная Россія!

0.50

